

³ Семантическая структура анализируемых слов может быть как тождественной, так и частично различающейся.

⁴ См.: Белорусско-русский словарь / Под ред. К. К. Крапивы.— М., 1962. В дальнейшем используются статистические данные из этого источника.

⁵ См.: Потиха З. А. Строение русского слова.— М., 1961, с. 303—304.

⁶ При анализе морфемной структуры подобных лексем мы придерживаемся традиционной точки зрения, рассматривая основу инфинитива как корневую без наличия классовых показателей. Косвенным доказательством нечленности основы односложных глаголов с исходом на гласный звук служит высокая регулярность различного рода парашений в словообразовательных гнездах, где эти слова являются исходными. См. иную трактовку данного вопроса в работе: Лопатин В. В. Русская словообразовательная морфемка (проблемы и принципы описания).— М., 1977, с. 63—74.

⁷ См.: Бардович А. М., Шакун Л. М. Морфемны слоўнік беларускай мовы.— Мінск, 1975, с. 59, 110; Тихонов А. Н. Школьный словообразовательный словарь русского языка.— М., 1978, с. 61, 329; Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка.— М., 1971, с. 81, 307.

⁸ См.: Низаметдинова И. Морфемный состав инфинитива русского глагола.— Уч. зап. Ташкентского пединститута им. Низами, 1975, т. 143, с. 424.

⁹ См.: Словарь современного русского литературного языка в 17 томах — М.-Л., 1948—1965; Тлумачальны слоўнік беларускай мовы ў чатырох тамах.— Мінск, 1977—1980.

¹⁰ См.: Грабчиков С. М. Межъязыковые омонимы и паронимы. Опыт русско-белорусского словаря.— Минск, 1980, с. 25, 138.

В. А. САНИКОВИЧ

БЕЛОРУССКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА СИСТЕМУ КОНСОНАНТИЗМА ОСТРОВНОГО РУССКОГО ГОВОРА

При исследовании островного русского говора, находящегося в близкородственном белорусском языковом окружении, наибольший интерес для определения степени проницаемости фонетической системы говора представляет реализация в системе консонантизма согласных (*z*), (*p*), (*ч*).

Деревня Трояновка, говор русского населения которой является объектом данной статьи, расположена на северо-востоке Минской области в Борисовском районе. Наиболее яркой чертой консонантизма, отличающей указанный русский говор от говора соседей-белорусов, является взрывное образование звонкого заднеязычного (*z*). Эта черта позволяет не только резко отграничить данный русский говор от соседних белорусских, но и дифференцировать носителей двух восточнославянских языков в пределах одной деревни. Это резкое различие становится очевидным при первом же знакомстве с речью обитателей Трояновки. Данная языковая особенность обнаруживает большую устойчивость. Она проявляется в речи представителей всех поколений: старшего, среднего и младшего. Так, носители традиционного русского говора Трояновки произносят: [у газэ́т'ь, газ'н'йч'ьчка, угáр, гарóт, г'ялава́, го́р'ьт, мнóг'ь, г'йб'ял, но́г'и, гул'áнк'и, гус'ей, гр'ас', гр'ьмат'ей, гр'ех] и т. п.

Как известно, взрывной характер образования заднеязычной фонемы (*z*) свойствен литературному русскому языку, а также севернорусскому наречию и значительной части среднерусских говоров, в отличие от говоров южного наречия, имеющих заднеязычную фонему фрикативного образования (*γ*)¹. Для западных среднерусских говоров изоглосса (*z*) взрывного образования, оглушаемого в (*κ*), считается основной при установлении их южной границы².

Говору русских жителей Трояновки известен и (*γ*) фрикативный, который звучит в словах церковно-религиозного характера, междометиях. Трояновцы произносят: [бóуу, бау́аты, блау́слав'ен'на, у́бспáд'и, у́спóт'], а также [ау́а], оу́б, уу́]. Но эти факты не изменяют систему говора, поскольку произношение (*γ*) встречается лишь в лексически ограниченном кругу случаев³. Фрикативный (*γ*) звучит также в отдельных словах иноязычного происхождения, появившихся в послеоктябрьскую эпоху, например: [γ'ектáр]; скорее всего в период Великой Отечественной войны

говором было усвоено (с заменой (р) на (л)) слово [булѹм'нѣтр]; сюда же, возможно, следует отнести и [ѹсп'итѣл'], хотя данное слово могло быть известно и в период первой мировой войны. Кроме того, (ѷ) фрикативный звучит в отдельных, достаточно частотных русских словах, например: [кѣчаѷаркѣ, с'аѷон'н'ѣшн'ий]; сюда же относится обрусевшее и получившее русский словообразовательный облик [ѷармѹшка]. Лексема [ѷарѣлка] скорее всего усвоена из белорусского языка в характерном для него звучании. Особо стоит слово [аѷкаѷаш] 'алкоголик', несомненно являющееся новообразованием. Вероятно, появление всех этих слов в русском говоре Трояновки обязано белорусскому языку, поскольку в значительной своей части они сравнительно недавно вошли в употребление. Местоименные формы типа [ѷѣты, ѷѣтѷа] являются ярким свидетельством белорусского влияния.

Заслуживает внимания, что во всех этих словах (ѷ) фрикативный находится в положении перед гласным, а в большей половине из них — также и после гласного, т. е. в интервокальном положении. Появление нового звука, как отмечает А. Б. Пеньковский, «происходит прежде всего в наиболее слабых звеньях фонетической системы, которая открывает доступ новому звуку первоначально лишь в некоторой, наиболее приспособленной для его усвоения позиции»⁴. Такой позицией для проникновения (ѷ) фрикативного в говоре с (ѣ), по его мнению, является прежде всего и преимущественно интервокальное положение⁵.

В слабом положении звук (ѣ) в говоре чередуется с (к), например: [б'ек (от бежать), вдрук, друк, д'ѣн'ѣк, налог, л'ак (от лечь), плук, с'н'ек, тварѹк]; весьма показательно, что этот звук отмечается и в недавно проникшем из литературного языка [н'ѣрвѣпатѹлѣк]. Чередование (ѣ) — (к) в слабой позиции свойственно говорам, характеризующимся произношением (ѣ) взрывного образования. Употребление (х) в соответствии звонком заднеязычному в слабом положении известно многим северным говорам, в том числе и значительно удаленным от говоров южного наречия, которые имеют функциональную пару (ѷ) — (х). Но в северных говорах соотношение (ѷ) — (х) является лексически ограниченным, поскольку связано с кругом слов церковно-книжного происхождения⁶. В западных среднерусских говорах (ѷ), оглушаемый в (х), местами распространен в южном пограничье Псковской группы, а также в виде островов по всей территории Псковской группы⁷. Это позволяет предположить, что звучание в слабой позиции согласного (х) в трояновских словоформах [бох, парѹх, уб'ѹх (от убежать)] является результатом взаимодействия двух разных фонетических систем. Так, если произношение слова [бох] не нарушает свойственного говору лексически ограниченного соотношения (ѷ) — (х), то на звучание остальных словоформ русского говора Трояновки, очевидно, определенное воздействие оказало его белорусское окружение, которому известна лишь соотносительная пара (ѷ) — (х)⁸.

В говоре Трояновки, как и в литературном русском языке, отмечены фонемы (р) и (р'), употребление которых в целом соответствует норме литературного русского произношения. Например: [рабѹтъла, кантракт, пастрѹил'и, зарѹл'и, рубл'ѣй, ув арм'ийу, парн'и, пры с'м'ѣрт'и, шыф'ѣр] — [гар'ат, гѹр'ѣ, б'ѣр'ажѹк, б'ис кр'аста, п'ѣр'ад'ѣлѣт', у пѣгр'аб'ѣ, над р'акѹйу, атр'ѣжыш, быстр'ѣй, гр'ѣст', др'ѣва, в'ѣр'ѣтанѹ, б'ар'ѹзѹшка, д'ѣр'ѣи, гѹр'кѹму, С'иб'ѣр', цар'] и другие.

Однако в говоре наблюдаются и отличия от литературного русского языка в сфере употребления указанных фонем. Эти отличия представляют собой неоднородную картину. Так, в соответствии (р) твердому русскому литературного языка в говоре имеет место произношение (р') в словах: [в'ѣр'х, в'ар'хѹм, чатв'ѣр'к (но [цѣркава, з'ѣркѣла, п'ѣрв'ий, с'ѣрп])]. Мягкий (р') в сочетании с предшествующим (ѣ) и последующим согласным, восходящий к старому сочетанию *tort*, был некогда обусловлен позиционно, но в настоящее время ограничен лексически и по-разному в разных говорах⁹.

Значительно более распространено в исследуемом говоре явление противоположное: отверждение мягкого по происхождению (*p'*). Твердый (*p*) в соответствии мягкому (*p'*) в речи трояновцев отмечен в различных позициях: перед гласными фонемами (*э*), (*и*), например: [арэнду, з Брэста, б'арэ́т', үарэ́лк'и, б'аз вóч'рад'и, раб'óнк'эм, рамо́нт, з Бары́сьва, гастры́т, н'ь гары́, п'ары́н'ь, прыв'азла́, с'астры́ца, стры́гл'и, тры́щ'ыт'] и многие другие; один такой случай отмечен в положении на конце слова: [н'и пазо́р]. В произношении некоторых слов наблюдаются колебания. Так, наряду с [вр'ём'а] имеет место [ур'ём'а], [у д'ар'ёўн'и — у д'ар'ёўн'и, кр'ёпк'ь — кр'ёпк'ийа, над р'ёч'ы́н'кай — р'эчк'ь, пр'а́л'н — пра́д'эш, пр'а́м'ь — пра́м'ь, памр'о́м — памрэ́т', стар'ик'и́ — стары́к, тр'и — тры, тап'э́р' — т'ап'э́р'] и т. п.

Не исключено, что расширение сферы употребления (*p*) за счет (*p'*) вызвано влиянием белорусского языка, как литературного, так и говоров, поскольку последним не свойственно произношение (*p'*), оно отмечено лишь в одном из близлежащих населенных пунктов, расположенном южнее Трояновки, где (*p'*) произносится параллельно с (*p*) (ДАБМ, карта № 42). Белорусские говоры, которым известен (*p'*), столь значительно удалены от Трояновки, что говорить об их каком бы то ни было влиянии не представляется возможным¹⁰.

Впрочем, возможно, что белорусское окружение Трояновки явилось фоном, способствующим поддержанию произношения (*p*) в соответствии (*p'*) литературного русского языка, так как «в древнепсковском диалекте отсутствовали сочетания с (*p'*)»¹¹. Произношение (*p*) в соответствии (*p'*) литературного русского языка известно в некоторых современных псковских говорах, хотя такие случаи не носят характера закономерности. Оно «отмечено в бывших Островском, Новоржевском, Опочечком и Гдовском уездах, причем везде лишь спорадически, наряду с преобладающим произношением (*p*), парного по твердости и мягкости»¹².

Аффриката (*ч*) в исследуемом говоре характеризуется господством твердого произношения ее, например: [абы́чай, в'ьчары́нк'и, н'ь в'анча́л'ис', зькрыча́л, ча́ст', чаво́, л'ёкч'ь, ч'ялав'ёк, ч'ёр'ьс, уч'ора́, д'аўчо́нка, чо́рсты́й, б'учыл'и, урачы́, ма́л'чыка, пла́чу, ачк'и́, у бо́чку, н'апро́чн'ь] и многие другие. Однако в небольшом количестве словоформ отмечен и мягкий вариант (*ч'*): [над р'ёч'ы́н'кай, к ч'о́рту, го́нч'ий, н'ич'и́во, р'ёч'и́, чало́нч'к'и́]. Чаше всего (*ч'*) отмечается при исполнении старых народных песен, т. е. произношение (*ч'*) связано с определенным жанром устного народного творчества. Сохранение прошлого в произведениях фольклора удерживает противопоставление (*ч*) — (*ч'*), которое в современном говоре исчезает, очевидно, не без влияния белорусского соседства. Окружающим Трояновку белорусским говорам неизвестно произношение (*ч'*). Лишь достаточно далеко от Трояновки, в говорах некоторых районов Брестской области, отдельных говорах Гомельской области, а также спорадически в говорах отдельных населенных пунктов Витебской и Могилевской областей (*ч'*) встречается либо вне зависимости от фонетических условий [ч'а́сто, ч'ад, ч'ерда́к, ноч', бо́ч'ка], либо в определенном фонетическом положении перед гласными (*е*) и (*и*): [ч'ёрви, но ча́ста, чаўно́к, ноч; ч'эрап, ч'и́ста, но ту́ча, р'эчка]¹³.

Возможно, что процесс отверждения (*ч*) начался в говоре еще в период, предшествовавший переселению предков современных носителей говора на территорию республики. Так, частным случаем, свидетельствующим о раннем отверждении в говоре указанной аффрикаты, может служить звучание слова [н'идал'бчка], в котором наблюдается процесс перехода (*e > o*) после мягкого согласного перед следующим твердым (*ч*).

Исконная близость консонантных систем данного русского говора, псковского по своей диалектной принадлежности на территории русского языка, и соседних белорусских говоров создает огромные трудности в определении степени белорусского воздействия на него. Однако не вызывает сомнения, что это воздействие проявилось прежде всего в консер-

вацни гавором Трояновки русскіх дыялектных явлений, свойственных и соседним беларусским гаворам, и даже некоторой интенсификации этих явлений, захвативших новые лексические единицы во время пребывания этого псковского гавора на беларусской земле.

¹ См.: Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии.— М., 1949, с. 136—137.

² См.: Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров.— М., 1970, с. 396.

³ См.: Русская диалектология / Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой.— М., 1965, с. 72.

⁴ Пеньковскій А. Б. О некоторых закономерностях звуковых замен при взаимодействии диалектов (в связи с вытеснением севернорусского (z) (y) в южнорусском окружении).— В сб.: Очерки по фонетике севернорусских говоров.— М., 1967, с. 203.

⁵ Там же, с. 203.

⁶ См.: Русская диалектология / Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой, с. 72.

⁷ См.: Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров, с. 396.

⁸ См.: Нарысы па беларускай дыялекталогіі.— Мінск, 1973, с. 134.

⁹ См.: Русская диалектология / Под ред. П. С. Кузнецова.— М., 1973, с. 91—92.

¹⁰ Произношение (p') в беларусских гаворах наблюдается в северо-восточной части Витебской, восточной части Могилевской, южной части Гомельской и юго-западной части Брестской областей (см.: Нарысы па беларускай дыялекталогіі, с. 127).

¹¹ Горшкова К. В. Очерки исторической диалектологии северной Руси.— М., 1968, с. 169.

¹² Кандаурова Т. Н. К истории древнепсковского диалекта XIV в. (О языке псковского Пролога 1383 г.).— В сб.: Труды Института языкознания АН СССР, 1957, т. 8, с. 265.

¹³ См.: Нарысы па беларускай дыялекталогіі, с. 133.

І. Я. ЛЕПЕШАЎ

СІНАНІМІЧНЫЯ ФРАЗЕАЛАГІЗМЫ І ІХ СТЫЛІСТЫЧНАЯ ДЫФЕРЭНЦЫЯЦЫЯ

Перш чым гаварыць пра спецыфіку стылістычнай дыферэнцыяцыі сінанімічных фразеалагізмаў, неабходна коратка спыніцца на звязаным з гэтым пытанні аб размежаванні фразеалагічнай сінаніміі і варыянтнасці, хоць, як не раз адзначалася ў літаратуры, межы паміж імі досыць хістка і рухомыя. Фразеалагізмы-сінонімы маюць тоеснае або гранічна блізкае значэнне, часцей за ўсё аднолькавую ці падобную сінтаксічную спалучальнасць, суадносяцца з адной і той жа часцінай мовы, але «ад-рознваюцца адзін ад другога або адценнямі значэння, або стылістычнай афарбоўкай, або тым і другім адначасова»¹. Напрыклад, фразеалагізмы *выходзіць у людзі* і *выбівацца ў людзі* маюць адрозненні сэнсавага і стылістычнага характару. Першы абазначае 'дабівацца высокага станавішча ў жыцці, у грамадстве', а ў сэнсавай структуры другога фразеалагізма ёсць яшчэ семы 'з вялікімі цяжкасцямі', 'пасля доўгіх намаганняў'. Фразеалагізму *выбівацца ў людзі* звычайна ўласціва афарбоўка непашаны, ім выказваюцца адмоўныя адносіны да каго-небудзь, а фразеалагізмам *выходзіць у людзі* становіцца характарызаваць асобу, што відаць хоць бы з такіх прыкладаў: *Глядзі ты — і гэты хлюст выбіўся ў людзі* (М. Лобан. На парозе будучыні); *Нарадавацца не магла з Васіля: дабіўся свайго, дабіўся, чаго хацеў, — у людзі, лічы, выйшаў; сам выйшаў і сям'ю ўсю выцяг!* (І. Мележ. Подых навалыніцы).

Што да варыянтаў, то гэта агульнамоўныя разнавіднасці фразеалагізма, якія адрозніваюцца пэўнай структурнай зменнасцю плана выражэння пры адрозненні плана зместу: *выводзіць на чыстую ваду — выводзіць на свежую ваду, ніць кроў — смактаць кроў, чорт ведае — чорт знае*. Як відаць з прыведзеных азначэнняў, паміж сінанімамі і варыянтамі ёсць шмат агульнага, а таму іх даволі часта змешваюць. Так, у «Тлумачальным слоўніку беларускай мовы» (т. 1) пададзены як варыянты аднаго фразеалагізма *браць за горла* і *браць за жарбы*, *бокам вылезці* і *вомегам вылезці*, *бог (чорт, пярун, ліха, халера) ведае* і інш. Думаецца, што гэта не варыянты. Ёсць некалькі моўных паказчыкаў